

А.Г. ЛЕВИНСОН

Армия как институт социализации

В последние годы в России опросы и другие средства выявления общественного мнения демонстрируют примечательный эффект одновременного доверия и недоверия вооруженным силам. Наблюдатели отмечают распространенность негативного отношения к службе в вооруженных силах, негативных оценок положения личного состава и т.п. Наряду с этим существует позитивная оценка института армии как символа, его важности для государства и т.п. Так, 78% опрошенных нами лиц в возрасте 18 лет и старше не хотели бы, чтобы их близкий родственник служил сейчас в армии; такое желание высказали лишь 20%. Наиболее часто называемые причины нежелания – "конфликт, типа чеченского" и "дедовщина, насилие в армии" (Левада-Центр, опрос 1600 чел., январь 2004 г.). Вместе с тем среди 15 главных общественных институтов армия по уровню доверия стоит на третьем месте, пропуская вперед только президента и церковь (Левада-Центр, опрос 2197 чел., март 2004 г.).

Подобная противоречивость характерна для многих других аспектов, связанных с существованием армии как института в современном российском обществе. Известны неоднократно приводившиеся подсчеты того, как по мере планового сокращения численности вооруженных сил фактическое число вооруженных и сведенных в силовые формирования людей растет. Противоречива и тенденция широкого проникновения военных в политические и хозяйственные структуры. Можно усматривать в этом милитаризацию соответствующих структур, но можно – и разрыхление армии как корпорации. Идущая в стране структурная перестройка экономики призвана уменьшить роль военно-промышленного комплекса по сравнению с той, которую он играл в советскую эпоху, и с этим связаны долгосрочные надежды общества. Но в краткосрочном плане оживление экономики реализуется в значительной мере за счет вливаний нефтяных доходов в оборонный комплекс.

Наконец, возвращаясь к общественному мнению, надо сказать, что скрытая воинственность, склонность видеть мир в терминах противостояния, военной опасности вновь занимает привычное место в массовом сознании. Возвращаются на свое насиженное за советский период место нормы представления реальности, наряду с тем, что способность России участвовать в военных конфликтах и побеждать оценивается обществом все ниже. Этот милитаризм особого рода, или "гражданский милитаризм", по выражению анализировавшего данный феномен М. Заппера, представляет опасность в первую очередь для того общества, в котором он распространяется [Заппер, 1999, с. 11].

Подобный милитаризм проявляется, говоря шире, в том, что армия в российском обществе играет непропорционально значительную социальную роль¹, не предусмо-

¹ О социальных функциях армии см. [Левинсон, 2004].

тренную ни Конституцией, ни уставами. Одна из таких социальных ролей армии состоит в том, что она выполняет в обществе роль института социализации. Вообще это свойственно любому обществу, но в России данная роль армии особенно велика.

Мы будем различать два вида этой социализации. Один относится к воздействию армии на индивида (как правило, молодого мужчину) в период его пребывания на военной службе (масштаб личностный), другой – к воздействию армии как общественного института на общество в целом (масштаб социетальный). В армии в ее качестве социальной организации можно видеть формальную и неформальную структуру. Свою социализирующую роль исполняют и та и другая.

Общества можно различить по тому, насколько существенна социализирующая роль армии. Она может быть очень высока в части воздействия на индивида и может быть очень значительна в части воздействия на общество. В последнем случае говорят о милитаризации общества, а при захвате военными власти – о военной диктатуре. Социализирующая роль армии в отношении индивида обычно видится в приучении к дисциплине, воспитании неприхотливости, стойкости, а также в воспитании особой лояльности государству, патриотизма. Применительно к обществу армия играет роль эталона государственной организации, предельного варианта управляемости, образца власти как таковой. Можно говорить о ее функции дисциплинирования в отношении общества.

Воздействие армии на собственное общество не ограничивается этими "прямыми" формами. Из истории мы знаем примеры, когда армия как институт играла роль цивилизующего или модернизирующего начала в обществе. Военные как корпорация, захватив власть, парадоксальным образом вводили не армейские, а гражданские демократические порядки, строили светское государство и т.п. Другой вариант парадокса состоит в том, что разлагающаяся армия разлагает и общество. Каково место России среди этих вариантов?

Армия-школа

Роль армии в воспитании индивида была и остается исключительно высокой. При этом, так сказать, армейская точка зрения состоит в том, что формальная армейская организация с ее дисциплиной – наилучший из возможных видов воспитания молодого мужчины, превращения его в "настоящего мужчину", полноценного члена общества. На уровне официоза этой точке зрения никогда не противопоставлялась иная, что уже свидетельствует об успешности притязаний армии как института на дисциплинирующую роль в отношении общества в целом.

Массовые представления о том, как в действительности обстоят дела в армии, говорят, однако, о другом. Главным фактором воздействия на индивида считаются неформальные структуры, существующие в армейских коллективах, – дедовщина и землячество. Они, как известно, построены на грубом физическом насилии, нарушениях уставов и законов. Эти отношения приобрели такую силу, что в глазах значительной части общества, собственно, и репрезентируют армейскую реальность, ту, которая оказывает главное социализирующее воздействие на индивида. Родившийся поколение назад общественный испуг по поводу разгула дедовщины не проходит. Он породил в свою очередь удивительный феномен массового нон-конформизма: неисполнение закона о всеобщей воинской обязанности (уголовно наказуемое действие по нынешним законам) признает правильным почти половина взрослого населения страны. Подчиняясь этой общественной реакции, государственная власть ввела множество отсрочек и легальных причин для того, чтобы юношам не проходить действительную военную службу. В итоге сейчас через армию проходит меньшинство юношей призывного возраста.

Армия как возможный вариант социализации поместилась в этом смысле между двумя другими социализирующими институтами, а именно, вузом и "зоной". Для одной части молодых людей армия является нежелательной альтернативой вузу, для другой – желательной альтернативой тюрьме.

Дедовщина пугает большинство "уклоняющихся", а также (или в первую очередь) их матерей массированным применением физического насилия к попадающему в эти структуры новичку. Известны многочисленные случаи смертей или увечий от побоев. Достоянием гласности стали частые случаи вызванного дедовщиной побега из воинских частей, в том числе группового. Стал типовым сценарий "русского амока", когда доведенный до отчаяния "дедами" первогодок берет оружие и вершит самосуд, убивая нескольких из них.

Общественность пугают, повторю, насилие, чинимое над первогодком и описанные выше эксцессы. Не меньше должно было бы ее пугать "успешное" прохождение двухэтапного процесса социализации. Если первый этап состоит в том, что "деды" истязают, унижают и угнетают "молодого", то на втором этапе он сам, становясь "старослужащим", творит то же самое насилие и унижение по отношению к следующему поколению "молодых". Закон армейской неформальной социализации состоит в том, что уклониться от того, чтобы быть насильником и мучителем на втором году нельзя точно так же, как нельзя на первом избежать насилия и мучений.

Таким образом, в своем стандартном и массовом варианте дедовщина (здесь выступающая синонимом армии как воспитательного учреждения) производит индивидов, имеющих опыт *не только объектов, но и субъектов* почти неограниченного насилия над ни в чем не повинным человеком. Такие люди имеют знание технологий и практический опыт избиений и пыток, при этом очень важно, что они начинали познавать данный опыт как жертвы, но были выпущены из этой "школы насилия" в общество в ролях палачей.

Этот опыт, приобретаемый в неформальных структурах армии, в отличие от военного обучения и дисциплинирования, даваемого формальными армейскими отношениями, не нужен для ведения боевых действий, для противостояния армии противника. Но он оказывается функциональным, когда армия действует против мирного населения, выполняет карательные или полицейские функции. В этом случае люди, имеющие опыт насилия, причем насилия часто группового, над безоружным и более слабым, оказываются нужны. Соответственно, *нужен институт, производящий их в регулярном порядке.*

В качестве социализационного института армия России производит не просто мужчин с определенными навыками и моралью, легитимирующей их применение. Как институт, как корпорация она претендует на то, чтобы таким образом продуцировать тип человека и, что очень важно для нашей темы, модальный тип. Армия стремится удержать свой контроль над обществом, настаивая, что "настоящим" мужчиной можно стать, только пройдя действительную службу в вооруженных силах. Опыт исследований говорит: и сейчас имеют широкое хождение среди старшего поколения рассказы о том, как раньше *"парню, который не служил, у нас ни одна девка бы не дала"*. Таким образом, мужская полноценность ставится в связь с армейской службой. А армейская служба молчаливо предполагает прохождение через описанный двухэтапный механизм неформальной социализации. Так гендерная/национальная антропологическая норма приписывается вполне определенному человеческому типу. С учетом того, что субъекта специально учат беспрекословно подчиняться сильному и без колебаний подчинять себе слабого, этот тип должен называться авторитарным.

Новый тип

В какой степени принимаются обществом эти притязания военной корпорации задавать всеобщезначимую норму "настоящего мужчины" (а также производные от нее нормы "настоящего мужества", "настоящей дружбы" и пр.)? Несколько лет назад ответ был бы таков, что для мужской части общества иной общезначимой нормы не существовало. Данная норма если и не принималась к исполнению, то в горизонте приватных отношений, в мужском приватном дискурсе. В мужском публичном дискурсе ей нечего было противопоставить. В женском приватном дискурсе она не

принималась никогда, а в женском публичном – постольку, поскольку обладает самостоятельным от мужского существования: этой норме противостояла литературная фигура "настоящего мужчины" как рыцаря, защитника слабых, готового биться с сильным, но по правилам чести и т.п. (Дедовщинский вариант настоящего мужчины, собственно, был антагонистом этого образа и выращивался в каждом первогодке методом последовательного и нарочитого опровержения "женской" нормы.)

Характерное для истории отечественных высшего образования и призывной военной службы противостояние перекликалось с только что названным антагонизмом мужского и женского антропологического маскулинного идеала. Университет, как правило, давал возможность не проходить службу в армии и не подвергаться упомянутой (ре)социализации. С "армейской" точки зрения эти избегавшие армии лица мужского пола лишались прав на звание "настоящих мужчин". Мужская университетская субкультура до последнего времени реагировала тем, что категория "настоящего мужчины" не значилась для нее среди актуальных, а весь мир воинской службы символически унижала, предлагая рассматривать его только иронически.

Описанная картина сохранялась, пока действительная служба была – статистически и символически – безусловно, главным вариантом развития судьбы/карьеры для юноши, а тюрьма и университет фланкировали его как маргинальные варианты. На сегодняшний день в силу как крупных социальных причин, так и моментальной конъюнктуры, в том числе – демографической, статистические соотношения изменились. Действительную службу проходит, как указывалось, меньшинство юношей. Ее частотность сблизилась с частотностью тюремного варианта, что имело свои символические последствия. Но более существенным стало многократное увеличение доли молодых людей, получающих высшее образование. Именно эта траектория, как показали исследования, стала считаться нормой.

Вспомним некоторые черты недавней национальной концепции "настоящего мужчины". Для нашей темы стоит отметить, что раньше в ней присутствовали такие обязательные элементы, как курение крепких папирос/сигарет и употребление крепких напитков в эксцессивных количествах. При этом пренебрежение к вкусу и вреду было существенной чертой ("пьет все, что горит..."). Пренебрежение к собственному здоровью, низкая цена собственной жизни перекликались с отношением власти (и более всего военного начальства) к таким мужчинам. "Настоящие мужчины", каковыми, по определению, должны были быть армейские командиры и командиры командиров, могли не заботиться о сохранении здоровья и жизни солдат (в данном случае редуцируемых до "живой силы").

Брутальный секс, имеющий в виду две цели – "овладение" женщиной и извержение семени в ее лоно, то есть не выходящий за пределы функции размножения, – еще один из атрибутов "настоящего мужчины". Он же, с точки зрения государственных интересов, на наилучшее выражение которых претендовал опять-таки институт армии, был техническим средством производства "живой силы" в количествах, позволяющих командирам расходовать ее свободно. Замечу, что держаться такая ситуация могла лишь на условии взаимности со стороны женщин, принимавших – так или иначе – свою роль производителей "живой силы" (по-другому – исполнителей материнского долга перед государством). Иными словами, это была ситуация многодетной семьи.

Демографический переход к однодетной семье имел много причин. Но так или иначе он состоялся, коль скоро речь идет о русском этносе. Как и в других этнических группах, в других культурах, в России этот переход означал изменение концепции личности. Из родового существа, субординированного роду (коллективу, в пределе – народу) как высшей ценности, человек превратился в самостоятельно ценное существо. Его взаимоотношения с целым кардинально изменились. Целое – государство, общество, народ более не могут требовать от него "служения" лишь в силу самого порядка вещей. Скорее, они мыслятся как обязанные его защищать, поддерживать. И лишь в обмен на такую заботу у индивида возникают обязательства перед

ними. А если исполнения этого контракта со стороны государства/общества/коллектива нет, то нет и обязательств перед ним.

Первыми ощутили себя в таких изменившихся отношениях с обществом женщины-матери. Свою прежнюю обязанность рожать государству сыновей-воинов они сперва (в 1980-е гг., как показывают исследования) сделали условной, то есть реализуемой на условиях выполнения государством в лице армии и ее командиров отцовских функций в отношении отдаваемых им сыновей.

С учетом резкого повышения требований, выдвигаемых материнской стороной к армии прежде всего в деле сбережения здоровья и жизни теперь единственных сыновей, армия была матерями коллективно сочтена не выполняющей своих обязанностей-обязательств в рамках этого символического "брака". Движение "солдатских матерей", построенное на ценности единственного сына и осуждении армии за несбережение этой ценности, своей массовостью, силой и уникальностью доказало, что демографический переход состоялся. Массовое же уклонение от призыва на действительную службу, имеющее многообразные формы от полностью нелегальных до полностью легальных, связанных с учебой в вузе и аспирантуре, представляло второе доказательство. В плане обсуждаемой роли армии как института социализации это означало, что не только фактическая монополия института, но и его претензия на задание нормы в деле социализации была подорвана.

Еще раз мы приходим к заключению, что наряду с армейской появилась не маргинальная, а *стержневая* ("мейнстримная") траектория социализации, на этот раз проходящая через вуз. При этом я отнюдь не намерен утверждать, что стремление молодежи в вузы объясняется прежде всего желанием уклониться от воинской службы. Это не так, что доказывается уже хотя бы фактом преобладания девушек среди студентов. Да и наши углубленные исследования показывают, что категория "косящих от армии" является типичной, но маргинальной категорией среди студентов мужского пола. Дело в другом. Получение высшего образования само стало такой же нормой, как некогда было получение среднего. Иными словами, *нормой стала иная траектория социализации*, проходящая через иные институты, нежели служба в вооруженных силах.

Социализация, включающая учебу в вузе, не является темой данной работы, поэтому ограничусь замечанием, что эта новая норма полноценного мужчины не исчерпывается учебой как таковой, но предполагает получение с помощью высшего образования так называемой "хорошей работы". Ею может быть работа в новых секторах экономики либо госслужба в учреждениях федерального подчинения. Так называемые силовые ведомства очень высоко котируются внутри последней категории, так что армия и подобные ей институты отнюдь не вычеркнуты из новой картины социализации индивида. Но роль их стала совершенно иной.

Новая демография

Переход к однодетности и к соответствующей концепции цены индивидуального существования захватил общество как поставщика "живой силы". Одним из важнейших – поскольку лежит на большой культурной глубине – факторов стал пересмотр половых ролей и связанных с ними обязательств. Женщины боятся роли солдатской матери, стремятся от нее уйти. Они отказываются от соответствующей роли в сексуальных отношениях. Не соглашаясь с ролью "производительницы потомства", женщина и в мужчине более не желает видеть доминантно-эгоистичного самца-производителя. Ему предлагается паритетная роль партнера как в сексуальных, так и в семейных отношениях. Меняется и концепция мужских достоинств, воспитываемых, в частности, матерью в сыне, но также и новой субкультурой юношей из среднего класса. От идеи мужской силы как агрессивности, пусть направленной и на себя (курение, опьянение), и как властности, то есть готовности подчинять себе других людей, происходит переход к концепции силы как способности контролировать себя и

окружающие обстоятельства. В понятие "мужского" на место нарочитого невнимания к себе приходит идея разборчивости, ухода за собой и т.п. В части отношения к себе это означает и культивирование заботы о своем физическом и душевном благополучии.

Следует сказать, что в российском обществе параллельно шли два процесса. Один можно назвать процессом умаления отцовско-мужской роли. Не углубляясь в причины такой динамики, отмечу лишь то, что за пределами ситуаций осуществления власти или насилия мужчины стремительно теряли авторитет в глазах женщин. Роли мужа и отца теряли свое ценностное обеспечение. Имел широкое хождение образ никчемного и слабого мужчины, объекта опеки и презрения со стороны женщины.

Другая тенденция отхода от мужской авторитарной роли описана выше. Она также предполагает уход от идеи "грубой мужской силы", но не в сторону слабости, а в сторону замены идеи власти как насилия над природой и людьми, на идею власти как контроля над обстоятельствами, в том числе социальными. Контроль же осуществляется средствами, которые зовутся "авторитет", "статус" и его ресурсы – "капитал", "социальный капитал", "культурный капитал".

Но армия как потребитель (и расточитель) "грубой мужской силы" очень медленно адаптируется к новым обстоятельствам. Отношение к солдатам как к расходному материалу ("бабы новых нарожают") продолжает сохраняться, коль скоро речь не идет об элитных частях или контрактниках. И если военные действия в современной России не ведут к массовой гибели военнослужащих, то условия содержания в армии, вызывающие повышенный процент потерь трудоспособности, здоровья, жизни военнослужащих, говорят о том, что новые приоритеты в командирский дискурс еще не проникли.

Адаптация армии к новым демографическим условиям носит в основном формы приспособления ко все меньшему результату призывных кампаний. Замена призывников на контрактников – один из путей, которым армия пытается решить проблему. Контрактная служба в целом не относится к предмету данной работы, но социализационный аспект ее распространения требует комментариев. Опыт использования контрактников в боевых действиях в Чечне дает повод для следующих заключений.

По мере разрастания корпуса контрактников и их превращения в основной тип российского военнослужащего будет обостряться проблема общественной опасности такого войска. Идея контракта, как она предстала в своей современной реализации, означает появление категории людей, оказавшихся вне действия большинства систем социального контроля в любой его форме – от самых мягких, типа юмора, иронии, до самых жестких, типа уголовного преследования.

Понимание условий контракта таким образом, что заключающие его предоставляют остальному обществу свою жизнь (как свою готовность умереть), избавляя его от жертв и неудобств, дает контрактникам возможность требовать свободы от действующих в этом обществе норм. Общество же, как показывают исследования, готово откупиться от них такой ценой. При этом молчаливо предполагается, что возможными жертвами таких, по-нынешнему выражаясь, "отморозков" будут те, кто выведены обществом за собственные рамки, например "кавказцы", "чеченцы". На этих условиях контракт представляется обществу удачной сделкой, удачным выходом из безвыходной в других вариантах ситуации: общество признает, что армия государству необходима, но отдавать своих "сыновей" туда отказывается. Контрактники же не рассматриваются как "сыновья", то есть как еще не прошедшие социализацию молодые люди. Признавая за ними право торговать собственной жизнью, общество признает их полную правосубъектность.

В рамках образующейся корпорации складываются, разумеется, внутрикорпоративные нормы, принимающие за основу эту неподконтрольность/безнаказанность и эксплуатирующие ее. Подобные обстоятельства весьма характерны в истории для многих ситуаций, связанных с мерсенами. Известно, что таковые могут представ-

лять для общества и его благополучия опасность, иногда – большую. Известны и два пути решения этой проблемы. Один путь состоит в удалении их от общества и канализации их возможной агрессии вовне, на тех, кого не считают "своими". Тогда наемников посылают в колонии, на заморские театры военных действий и т.п. Для современной России это означает, что хотя бы для того, чтобы такие кадры не представляли угрозы большинству российского населения, придется вести какие-то военные действия на периферии страны. Понятно, что скорее всего это будут регионы, где проживает в основном этнически нерусское население, прежде всего Кавказ. Оценивая такие перспективы, можно говорить, что лекарство будет хуже болезни.

Второй из известных путей состоит, напротив, в попытках максимально интегрировать наемников в общество, не дать их среде инкапсулироваться, замкнуться в системе собственных, автономных от большого общества идеалах, нормах и ценностях. Одним из лучших средств здесь оказывается включение данной категории военнослужащих в систему гражданского образования, притом высшего. В нашем случае пытаются идти по пути предоставления служившим по контракту льгот для поступления в вуз после окончания службы. Это значит, что на существование автономной военной корпорации не покушаются, но создают условия для реинтеграции в общество тех, кто из нее вышел. Я же говорю об опыте включения наемных военных в период прохождения ими службы в гражданские институты – коллективы студентов, учащихся. С учетом исторического противостояния университета и армии в отечественной культуре такие попытки, если бы были предприняты, встретили бы сопротивление в обоих институтах. Однако я полагаю их необходимыми, более того – в потенции наиболее эффективными именно сейчас, когда продолжаются бум высшего образования, мода на него в молодежной среде и пр.

"Военная тайна"

В деле социализации индивидов роль армии как социализирующего начала, как агента антропоморфоза меняется, убывает. Остается добавить, что роль армии как института, влияющего на устройство общества, роль армии в социоморфозе также меняется. На протяжении нескольких поколений периода советской власти армия выступала как идеальный образец общественной организации. (Важно, что это мнение об армии как главном хранителе высших ценностей советского общества существовало не в форме официальной идеологии, а в качестве романтического мифа, образуя сокровенное знание, "военную тайну" этого общества².) РККА–СА не была реальным образцом – в этом качестве выступала матричная структура ВКП(б)–КПСС, но как корпорация армия играла роль ориентира, идеала. Особо важной была лежащая в основе армейского строения ценность подчинения как такового, отказа со стороны субъекта – военнослужащего – как от собственного мнения, так и от собственного интереса. Предполагалась такая же позиция и со стороны армии как корпорации: она не имеет собственных целей и интересов, всецело служит более главному субъекту – государству, партии.

При этом для всех прочих интересы государства и партии оказывались наилучшим образом воплощенными именно армией. В некоторой идеальной проекции именно армия оказывалась главным выразителем идей суверенитета и более того – геополитических национальных притязаний. (Знаменитое намерение вымыть сапоги в Индийском океане не выдумано В. Жириновским. Он лишь публично высказал то, что существовало и непублично озвучивалось военными как одна из геополити-

² О важности этой проблемы говорила в докладе "Наследники А. Гайдара: тема военной тайны в современной отечественной художественной литературе" М. Литовская на Междисциплинарной научной конференции "Война и мир: взаимодействие культурных контекстов" (Выборг, 1–3 сентября 2003 г.).

ческих целей государства. С таковыми целями было согласно и общество, по крайней мере в той его части, которая принимала дискурс "холодной войны".)

В современную эпоху на роль модельного института выходит бизнес. Именно он конкурирует с претензиями армии моделировать и модулировать общество. В качестве *ultima ratio*, сильнейшего средства для обоснования таких претензий армия использует войну. Разгадкой вопроса, почему одна из крупнейших армий мира на протяжении двух десятилетий ведет военные действия с противником, уступающим по численности, обученности и вооружениям, и не одерживает решительной победы, является интерес армии, всего силового блока. Этот интерес состоит прежде всего в сохранении инструмента давления на общество через предельные национальные и государственные ценности, такие как территориальная и государственная целостность, геополитические цели, противостояние глобальному сопернику и пр.

Разделяемое практически всем обществом и никогда не подвергаемое сомнению убеждение, что "сильное государство невозможно без сильной армии", отдает в руки армии ключ к главной национальной цели, каковой является в нашем обществе "сильное государство". Пока это так, армия будет сохранять свой последний канал влияния на процесс социализации в его социетальном масштабе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Заппер М. Повседневность воинственности в России... // Неприкосновенный запас. 1999. № 3.

Левинсон А. Опыт социогграфии. М., 2004.

© А. Левинсон, 2004